

няемого в тексте национально-специфического элемента иной культуры, что способствует созданию определённого колорита неизвестной культуры (иноязычное слово или словосочетание транслитерируется) и обеспечению более глубокого понимания смысла текста. Ярким примером такого способа заполнения лакун является фрагмент из работы Б. Пиляцкого «Восточная и Южная Азия»: «Этот клочок суши <....> зовется Нуси-Бе, что в переводе с малагасийского означает «большой остров» [2, с. 105].

Второй способ заполнения лакун – это включение в текст разного рода комментариев к элементам иной культуры. Существуют три основных способа комментирования:

- исследовательский (имеющий лингвострановедческий характер, т.е. раскрывающий национальные особенности восприятия внеязыковых фактов);
- энциклопедический (сообщающий конкретную информацию из справочных источников);
- заполнение лакун с помощью примечаний, поясняющих трудные для понимания национально-специфические элементы текста.

Таким образом, учет специфики языка как отражения системы культурных ценностей, на основе которых строятся конкретные общества и модели поведения их членов, распознавание и элиминирование социокультурных лакун, создаваемых национально-специфическими различиями контактирующих культур, являются необходимыми условиями результативной совместной деятельности коммуникантов-представителей разных культур в процессе реального общения в бытовой и профессиональной сферах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уфимцева Н.В. Этнопсихоллингвистика / Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин. – М. : Наука, 2003. – 154 с.
2. Пиляцкий, Б.А. Восточная и Южная Азия / Б.А. Пиляцкий. – М : Прогресс, 1999. – 114 с.

Кантемир С.А.

УО НУ им. Ю Федьковича, г. Черновцы, Украина

СООТНОШЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В наши дни очень много говорят о формировании новой лингвистической парадигмы в свете происходящих существенных общенаучных изменений [9, с. 26]. Этому способствует, с одной стороны, динамическая природа языка, объективный и неизбежный процесс языковой эволюции – ведь, как известно, «язык изменяется, оставаясь самим собой». С другой стороны, всё острее ощущается огромное желание некоторых исследователей предложить очередной системный взгляд на человеческий язык. Поэтому каждая новая научная парадигма в языкознании всякий раз стремится по-своему представить, метафоризировать язык как базовую модель исследования: к примеру, прескриптивная лингвистика приравнивает язык к юридическому закону, компаратив-

ное языкознание привлекает концептуальную сферу биологии, структурализм рассматривает язык как систему химических элементов, генеративная грамматика видит связь между языком и математическими операциями, а когнитивная лингвистика – языком и компьютером [13, с. 20]. В этой связи интересно наблюдать за переходом от системноструктурного к антропоцентрическому языкознанию, который метафорически, очевидно, можно сравнить разве что с движением маятника Фуко или состоянием *дежавю* – ведь в свое время антропоцентричность уже фигурировала в «дососсюрианской» научной среде. По мнению В.В. Левицкого, которое мы разделяем, «развитие и смена научных направлений во многом аналогичны смене общественно-политических идеологий, которые... проходят в своем развитии путь от «ереси» к «догме» [7, с. 571].

После очередной «смены парадигмы» внимание лингвистов перешло от внутренних (синтаксических и семантических) свойств языковой системы на когнитивный уровень языка, где прежде всего с помощью концептуального анализа исследуются процессы порождения и восприятия речи, функционирования человеческого разума при выявлении, обработке и хранении информации о внешнем мире, а также описываются различные ментальные структуры и осуществляют теоретическое моделирование основных понятий и категорий и т.п. [17, с. 254]. Именно поэтому когнитивный подход ориентирован на когнитивную функцию языка, то есть на ее способность хранить и передавать когнитивное содержание, которое структурировано в языке в виде концептуальной системы.

Почти все труды в русле когнитивной лингвистики сосредоточены вокруг ее основных категорий *концепт*, *концептуализация*, *категоризация*, *концептосфера*, *картина мира* или *когнитивная модель мира*. Сторонники когнитивной парадигмы предполагают, что люди отражают окружающий мир в специфических ментальных структурах, и именно благодаря им происходят процессы обработки и переработки информации и приобретенных знаний [19, с. 99]. К ментальным структурам, которые, как известно, невозможно наблюдать непосредственно, относятся прежде всего лексические значения, понятия, концепты [3, с. 7–8], к тому же именно концепт едва ли не на каждом шагу используется в качестве родового понятия для всех трёх похожих, но не идентичных категорий.

Если раньше проблема языкового значения (его соотношение со смыслом, понятием, значимостью и т.д.) как сложный и важный объект изучения рассматривалась не только в лингвистике [8; 12, с. 5–61], но и в философии [10], логической семантике и психологии [6, с. 160–234], подчеркивая при этом, что его следует рассматривать как «сложную структуру, образованную из нескольких иерархически связанных между собой субструктур» или же как «многослойный комплекс, конститuentами которого является семантика (информация об обозначаемых словом предметах и явлениях внешней действительности), прагматика (информация об условиях коммуникации) и синтактика (информация о правилах употребления знака)» [8, с. 12], то сегодня центральное место в семантических исследованиях заняла едва ли не самая дискуссионная единица когнитивной науки – *концепт*, с одной стороны, оттеснив на второй план проблему значения, с другой – добавив еще больше путаницы и субъективизма в лингвистические студии.

Поэтому основной целью этих размышлений является обобщение и систематизация соотношения между такими ментальными структурами, как *значение*, *понятие* и *концепт* в современной лингвистике.

За последние годы концепт благодаря «чрезмерной экспансии» из-за «когнитивной моды» превратился в вездесущее явление [15, с. 192]. С.Г. Воркачев замечает по этому поводу, что в конкурентной борьбе концепт опередил не только уже традиционные языковедческие категории *значение слова*, *понятия* и т.д., но и такие терминологические новообразования бурных 90-х, как *лингвокультурема*, *мифологема*, *логоэпистема* и др. [4, с. 41]. Но не стала ли канонизация термина *концепт* Пирровой победой в восточноевропейской лингвистической литературе? Ведь вопрос определения его содержания в когнитивной лингвистике, даже среди своих, «посвященных в святая святых когнитивистики», продолжает оставаться достаточно дискуссионным и неоднозначным. Чего стоит приведенный И.С. Шевченко в уже упомянутой статье список толкования концепта: *культурологический*, *лингвокультурологический*, *логический*, *логико-эстетический*, *семантико-когнитивный*, *когнитивно-поэтический*, *когнитивно-дискурсивный* и *философско-семиологический* подходы? [см. 15].

Конечно, соотношение между значениями и концептами имеет достаточно сложный характер. Многие отечественные и российские языковеды пытаются выяснить и обобщить характер этого соотношения [1, 2, 13, с. 409–418 и др.]. Нередко после таких глубоких, аналитических размышлений возникает вопрос: а действительно ли проблема концепта (в этой связи – его разграничение с другими ментальными структурами) является настолько сложной? Почему в западноевропейской и американской когнитивной лингвистике не ведутся острые дискуссии по поводу того или иного термина? Не является ли эта проблема искусственной, особым изобретением украинско-российских когнитивистов? Наконец, может ли слишком субъективная и фантомная категория иметь четкое и однозначное терминологическое определение?

Вопреки культивированию новых терминов и категорий, исследователи языка не спешат отказываться от устоявшихся приемов и методов. Даже беглый анализ некоторых современных статей, монографий или диссертаций показывает, что авторы часто, добавив слово *концепт* или что-то «концептуальное» (к примеру, *когнитивный прототип*) в название своего исследования, затем либо сразу пишут о понятии и значении, либо это становится очевидным после проведенных исследований языкового материала или применяемых ими методов и приемов [ср. 11].

С одной стороны, *концепт* совсем не отличается от традиционного значения слова [17, с. 24] и может быть интерпретирован как логическая категория, представленная набором языковых средств. По мнению Е.С. Кубряковой, в этом случае значением слова становится только концепт, «охваченный знаком» [14]. С другой стороны, он соотносится с целиком и полностью абстрактным конструктором (идеей), который не совсем объективирован через слово, или же подлежит лишь частичной вербализации.

Аналогичные мысли находим у Н. Дёршнера, который *понятия* и *категории* определяет как «концепты с внутренней репрезентацией, не обязательно связанные с языком и обозначающие совокупность информации, которая мо-

жет быть активирована определенным предметом или ситуацией» [16, с. 96]. Иначе говоря, *концепт* и *понятие* проявляют себя как ментальные и психофизические субстраты значения, формируя информативную сторону языкового знака. Вместе с тем, *понятие* как рациональная содержательная часть концепта может служить его инвариантом. Если чувственный образ создает функциональное ядро концепта, то значение представляет концепт в системе языка.

Отметим, что между изучением языковых значений и исследованием концептуальных структур довольно часто ставится знак равенства. Однако, в отличие от концептов, значения слов отличаются определенной устойчивостью, степенью абстрактности, коммуникативной компактностью и простыми семантическими отношениями [17, с. 307].

Достаточно подробный анализ проблемы значения в традиционной лингвистике находим в монументальной монографии В.В. Левицкого «Семасиология» [7, с. 84–141], где известный украинский ученый очень основательно рассматривает природу, структуру и типологию лексических значений, а также методы их исследования. Не обошел исследователь пристальным вниманием и концепты как центральные понятия когнитивной лингвистики.

По мнению В.В. Левицкого, методы экспликации и вербализации концептов можно сравнить с толкованием лексических значений, которое совершил К.О. Эрдманн более ста лет назад. Ментальные единицы в целом могут быть представлены, таким образом, в виде двух основных моделей или их вариаций.

Первая модель выделяет некоторую «логическую» сущность («понятие»), которое в коллективном или индивидуальном сознании дополняется побочными ассоциациями и экспрессивно-эмоциональными компонентами. В интерпретации К.О. Эрдманна, как известно, это – *понятийное ядро* (Begriff), *побочный смысл* (Nebensinn) и *эмоциональная окраска* (Gefühlswert). Примечательно, что в структурной лингвистике первый компонент (*понятийное ядро*) как бы расщепляется на объем понятия («предметное содержание», денотат) и содержание понятия («логический смысл», сигнификат); другие компоненты (*побочный смысл* и *эмоциональная окраска*) образуют «коннотативное значение».

Во второй модели ментальный мир человека представлен в виде единой структуры – «концепта», в которой и логические, и экспрессивно-эмоциональные компоненты, а также и узуальные (коллективные) и окказиональные (индивидуальные) ассоциации слиты воедино [см. 7, с. 348–352] (ср. *сфера языковых значений* vs. *сфера неязыковых значений* в П.Р. Лутцаера [18, с. 78–79], *культурные знания* и *языковые знания* в С. Лёбнера [17, с. 305–309]).

Следовательно, соотношение речевых и неречевых знаний, концептуальной и лексико-семантической информации относится к сложнейшим проблемам современного языкознания. Отчасти из-за аналогичных характеристик в своей структуре термин *концепт* используется для категорий *значение* и *понятие* как имя нарицательное в самом широком смысле слова. В этой связи можно предположить, что «ближайшее» значение слова А.А. Потебни по своему семантическому наполнению соответствует лексическому значению, а «дальнейшее» – концепту.

Видимо, потребность разграничения терминов *значение*, *понятие* и *концепт* обусловлена неустоявшимся характером метаязыка когнитивной лингвистики. Это задекларировано в различных интерпретациях тех же терминов и постоянном создании новых, конкурирующих со старыми в сфере применения и дефиниции.

Таким образом, изучая семантику языковых знаков, следует учитывать три принципиальных сущности такого анализа: 1) *лексическое значение* или конгломерат лексических значений как лингвистические знания; 2) *понятие* как семантическую (логическую) единицу; 3) *концепт* как ментальную структуру, содержащую определенные культурные знания, как сегмент социальной реальности, который может быть представлен в виде образов, понятий и символов. Однако распространенная в когнитивной лингвистике мысль о том, что для объективации и существования концепта как ментальной единицы не обязательна его словесная номинация, заставляет все же считать концепты призрачными, фантомными категориями, порой вымышленными только воображением исследователя, которые не имеют четких границ и создают большие трудности при объективном вычленении, измерении, выражении и воспроизведении в работах других исследователей или речевой деятельности среднестатистических носителей языка. Минимизировать субъективный фактор в когнитивной семантике всё же, очевидно, можно, если следовать наметившейся тенденции сближения двух парадигм – системоцентризма и антропоцентризма. Как показывает накопленный опыт в Черновицкой квантитативной школе [5], методы, разработанные в «системноструктурной» парадигме, могут быть с успехом применимы не только для исследования значений слова, но и концептов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н. Спорные вопросы семантики: Монография / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка : уч. пос. / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта; Наука, 2010. – 284 с.
3. Варуха, И.В. Предикаты страха в английском, русском и французском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / И.В. Варуха – теория языка / Башкирский гос. ун-т. – Уфа, 2011. – 20 с.
4. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – М. : Гнозис, 2004. – 192 с.
5. Гладкоскок, Л. Засоби експлікації та вербалізації концептів / Л. Гладкоскок, В. Левицький // Науковий вісник Чернівецького ун-ту : зб. наук. праць. Германська філологія. – 2011. – Вип. 551–552. – С. 11 – 35.
6. Залевская, А.А. Введение в психолінгвістику : Учебник / А.А. Залевская. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 560 с.
7. Левицкий, В.В. Семасиология : монография для молодых исследователей / В.В. Левицкий. – Изд. 2, исправл. и дополн. – Винница : Нова Книга, 2012. – 680 с.
8. Левицький, В.В. Сучасне розуміння структури лексичного значення / В.В. Левицький // Мовознавство. – 1982. – № 5. – С. 12–19.
9. Манакін, В.М. Мова і загальна симетрія універсалу / В.М. Манакін // Мовознавство. – 2011. – № 3. – С. 26–40.
10. Павилёнис, Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павилёнис. – М.: Наука, 1983. – 286 с.
11. Песина, С.А. Полисемия в когнитивном аспекте: Монография / С.А. Песина. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – 325 с.

12. Плотников, Б.А. Основы семасиологии: Учеб. пособие для филол. фак. вузов; под ред. А.Е. Супруна / Б.А. Плотников. – Мн.: Выш. шк., 1984. – 223 с.
13. Селіванова, О.О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми : Підручник / О.О. Селіванова. – Полтава: Довкілля-К, 2008. – 712 с.
14. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи / Отв. ред. Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
15. Шевченко И.С. Подходы к анализу концепта в современной когнитивной лингвистике / И.С. Шевченко // Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. – 2006. – № 725. – С. 192 – 195.
16. Dörschner, N. Lexikalische Strukturen: Wortfeldkonzeption und Theorie der Prototypen im Vergleich / N. Dörschner. – Münster : Nodus-Publ., 1996. – 126 S.
17. Löbner, S. Semantik : Eine Einführung / S. Löbner. – Berlin: Walter de Gruyter, 2003. – 387 S.
18. Lutzeier, P.R. Linguistische Semantik / P.R. Lutzeier. – Stuttgart : Metzler, 1985. – 193 S.
19. Schwarz, M. Einführung in die Kognitive Linguistik / M. Schwarz. – 3. Aufl. – Tübingen und Basel : A. Franke, 2008. – 298 S.

УДК 811.111

Каравайчик А.В.

УО ПолесГУ, г. Пинск, Республика Беларусь

АДАПТАЦИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ И ПСЕВДОИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ СЛОВ

Под адаптацией интернациональных и псевдоинтернациональных слов («ложных друзей переводчика») понимается приспособление иностранных слов к русским графическим и языковым нормам, а также их адаптация к культурным реалиям переводимого языка. В русском языке существуют следующие виды адаптаций (освоений): графическое, фонетическое, морфологическое и прагматическое освоение [1, с. 110-115]. Рассмотрим данные виды более подробно.

Графическое освоение. Графика – это совокупность средств письменности, используемых для фиксации речи. Основными средствами графики являются буквы, каждая из которых имеет определенное значение. Кроме букв используются и небуквенные графические средства: знак ударения, дефис, знаки препинания, апостроф, знак параграфа. Графическая адаптация интернациональных и псевдоинтернациональных слов заключается в том, что иноязычные слова начинают передавать русскими буквами, например, *absurdist* - абсурдист (автор произведения абсурда), *kleptocracy* - клептократия (воровская элита), *skateboarding* - скейтбординг (катание на роликовой доске).

Фонетическое освоение. Фонетика – это учение о звуковой стороне языка, а также это наука, изучающая звуки и их закономерные чередования, ударение, интонацию, особенности членения звукового потока на слоги и более крупные отрезки. Фонетикой называют также и саму звуковую сторону языка.

Что касается фонетической адаптации интернациональных и псевдоинтернациональных слов, то это приспособление иноязычного слова к нормам русского произношения, чужие звуки заменяются своими согласно нормам Международной транскрипции [4, с. 26]. Так, например, отсутствующий в русском языке звук [h] заменяется похожими на него [г] и [х] или отбрасывается. Например, холл – hall.